

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ЛБ 41 -
26

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

*

И М Е Н И

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1960

919/5

Г. П. ВАСИЛЬЕВА, А. ДЖИКИЕВ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

Западная Туркмения (Казанджикский, Красноводский, Гасан-Кулийский, Кизыл-Атрекский и Кара-Калинский районы) — это особый этнографический район, население которого до сих пор сохраняет своеобразие в хозяйстве, быту и культуре. В прошлом эта территория иногда называлась Иомудистаном, так как ее населяли главным образом туркмены-иомуды, вошедшие в качестве одного из основных компонентов в состав туркменской нации.

Не останавливаясь подробно на родоплеменном делении иомудов, которое в настоящее время не имеет почти никакого значения в быту населения¹, мы должны все же дать его общую характеристику.

В Западном Туркменистане проживает лишь часть иомудов, остальные населяют Ташаузскую область Туркменской Советской Социалистической республики. Их территориальное разделение соответствует в целом и родоплеменному: в Западной Туркмении живет одно из двух подразделений племени иомуд — кара-чока, а в Ташаузской области другое — байрамшали. Кара-чока делились на две группы — атабай и джафарбай, а последние на множество более мелких родовых групп.

В целом ряде работ как дореволюционных авторов (Бодэ, Карелин, Огородников и др.), так и советских (Г. И. Карпов, М. Сенджаби, М. Рубин и др.) приводятся данные о расселении туркмен-иомудов на территории Западного Туркменистана и их родоплеменном делении.

Эти сведения, сохранившие известную ценность и в наши дни, отчасти уже устарели, так как часть туркмен-иомудов осталась за рубежом в связи с закрытием в годы Советской власти границы с Ираном. Картина расселения потомков этих родоплеменных групп в ТССР изменилась в 1930—1940-е годы, в период коллективизации и в связи с ростом промышленных центров (Небит-Даг, Кум-Даг, Челекен, Красноводск и др.), в которых живет значительное число бывших скотоводов.

В настоящее время население размещено следующим образом: джафарбайцы живут на западных окраинах Туркменистана, вдоль побережья Каспийского моря и в примыкающих к нему степях — на территории от колодцев Чагыл (к северо-востоку от Красноводска по пути к Хорезмскому оазису) до государственной границы с Ираном по р. Атреку и далее в Иране вдоль побережья, до р. Кара-Су.

¹ Родовое деление помнят главным образом старики и в особо торжественных случаях (приглашая гостей на свадьбу, празднование рождения внука и пр.) учитывают свое генеалогическое родство.

Атабайцы располагаются к востоку от джафарбайцев; границы их расселения проходят на севере по Узбою и заунгузским Кара-Кумам, на юге — по Атреку и Сумбару. В Иране туркменские роды, близкородственные атабайским, обитают далее на юг от границы СССР до р. Гюрген.

В Кара-Калинском районе среди племени гокленов издавна живут представители иомудов байрам-шали — роды окуз и салак, а также иомуды-джафарбайцы — бегельке и каррови; западнее, среди атабайцев на Атреке встречаются потомки рода машрык.

На востоке граница иомудов с племенем текинцев и южнее с гокленами проходила по линии Кызыл-Арват — Кара-Кала. В центральных районах указанной выше территории атабайцы и джафарбайцы занимали иногда общие, иногда близко расположенные друг к другу и заходящие на территорию другого рода колодцы.

Жители юго-восточного побережья Каспийского моря издавна известны под именем огурджали, но входили в состав иомудов джафарбайцев. К северу от них (севернее Красноводска) живут туркмены игдыр, шихи, а также казахи.

Среди джафарбайцев в районе Б. Балхан и севернее живет небольшая группа туркмен-эрсари. Они сейчас слились с иомудами и ничем от них не отличаются по культуре, однако помнят свое происхождение и родовую принадлежность.

Природные условия края оказали значительное влияние на развитие отдельных отраслей хозяйства Западной Туркмении. Пустынные пространства, покрытые разнообразной растительностью, большое число колодцев, с близко стоящей соленой и пресной водой — все это способствовало развитию скотоводства как основного занятия населения. Земледелие вследствие скудности водных источников было развито слабо и имело самостоятельное значение только на юге, вдоль р. Атрек и у населения Кара-Калинского района. Жители побережья занимались рыболовством. Скотоводы разводили овец и верблюдов. Крупный рогатый скот разводили оседлые туркмены на Атреке и Гюргене. Коневодство не было широко распространенным занятием.

Скотоводы (*чарва*) кочевали со скотом, меняя свои стоянки у колодцев по мере использования пастбищ и в зависимости от сезона. Мелкий рогатый скот в большинстве случаев объединяли в стада по 500—600 голов в каждом и выпасали с пастухами. Верблюды, как правило, выпасались без пастухов, но богатые скотоводы, имевшие несколько десятков, а иногда и сотен голов верблюдов, объединяли их в стада, поручая выпас пастухам. Как джафарбайцы, так и атабайцы наряду со скотоводством занимались и земледелием.

Полевые работы 1958 г., а также изучение ашхабадского архива (сельскохозяйственная перепись 1914 г.) дали интереснейшие материалы о комплексности хозяйства у западных иомудов — группы, которая традиционно считается в числе наиболее «чистых» кочевников. Во всех племенных группах джафарбайцев и атабайцев (последние по своей культуре считались более отсталыми) удельный вес земледелия был одинаковым. Меньше всего с земледелием были связаны зажиточные скотоводы, более других — бедняки.

Земледелие у иомудов, по-видимому, ведется с давних пор, с момента их прихода на занимаемую территорию, а не является результатом оседания. Наш материал подтверждает выводы Т. А. Жданко о том, что лишь недостаточная изученность хозяйственного уклада позволяла историкам делить все население Средней Азии и Казахстана на кочевников и земле-

дельцев и рассматривать полуоседлое население только как «оседающих кочевников»². Удельный вес скотоводства и земледелия у иомудов менялся в зависимости от природных условий.

Как правило, хозяйства скотоводов, кочевавших к северу от железной дороги, были менее связаны с земледелием, так как здесь не было орошаемых земель³. Основная масса этих скотоводов кочевала в сравнительно небольшом радиусе (40—50 км) вокруг своих колодцев, и лишь наиболее зажиточные из них, имевшие большое количество верблюдов и мелкого рогатого скота, в холодные зимы спускались на юг в бассейн р. Атрек. Значительное число местных скотоводов занималось также и земледелием, производя посевы под дождь на такырах. В хорошие годы обходились своим хлебом, в малоурожайные или неурожайные покупали зерно в оазисах. На такырах разводили также бахчевые культуры. Такие посевы были распространены и в других районах Западного Туркменистана, но они везде зависели от количества зимних и весенних осадков. На западе, в районе Б. Балхан, разрабатывались кяризы⁴.

От этих скотоводов отличались по характеру ведения хозяйства живущие к югу от железной дороги атабайцы и еще в большей степени джафарбайцы. Радиус их кочевания был значительно больше. Поднимаясь летом далеко на север, к колодцам, расположенным у железной дороги, они зимой возвращались к Атреку, а иногда переходили его, продвигаясь дальше на юг. Большое число их сородичей занималось земледелием в бассейне Атрека. Самые богатые скотоводы обычно не имели посевов на Атреке, а если имели, то сами непосредственно не были связаны с обработкой земли и сбором урожая, поручая это своим бедным сородичам, находившимся от них в экономической зависимости или, что еще чаще, сдавая землю в аренду. Большая же часть скотоводов-середняков осенью, после возвращения с летовок, сеяла на Атреке пшеницу, ячмень и бахчевые культуры. В начале лета кочевники выделяли из своих хозяйств людей для сбора урожая и отправки его к своим колодцам. Одним из наиболее распространенных у джафарбайцев способов доставки урожая на летовки была перевозка его по морю на больших плоскодонных лодках *нау*.

От этой группы по направлению кочевания отличалась часть атабайцев, проводившая зиму близ гор, к югу от железной дороги (в районе Казанджика — Кызыл-Арвата), возле источников, и на лето уходившая на юг к Атреку или в глубь песков. Они также имели посевы зерновых, бахчи и, в отличие от первых двух групп, сеяли зерновые на *ойтаках* — низинах между склонами гор. Для увлажнения почвы устраивали плотины — *бент*, которые задерживали на поле весенние силевые воды, бегущие с гор. Таким же образом увлажняли почву живущие в долине Сумбара и Чандыря иомуды (здесь такие участки назывались *совма*).

Иомуды, живущие в бассейнах Чандыря и Сумбара, как правило, не кочевали на большие расстояния, радиус перекочевков их основного ядра

² Т. А. Жданко. Патриархально-феодалные отношения у полуоседлого населения Средней Азии. «I Всесоюзная конференция востоковедов (Тезисы докладов и сообщений)». Ташкент, 1957, стр. 209—210. Об оседлой жизни части иомудов свидетельствует историк начала XIX в. Мир Абуль-Керим Бухарский («Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II. Л., 1938, стр. 203). Давность занятия иомудов земледелием косвенно подтверждает наличие категории владельческих земель на Атреке (Центральный государственный архив МВД Туркменской ССР, далее ЦГА ТССР), ф. 1, оп. 2, д. 4753, лл. 1—18).

³ Однако их сородичи, живущие к югу от железной дороги или на Атреке, земледелием занимались не меньше, чем другие группы живущих там туркмен.

⁴ О земледелии в районе Балхан см. А. Оразов. Земледелие прибалханских туркмен («Известия АН Туркменской ССР», 1960, № 1).

был ограничен прилегающими к долинам рек горами, куда на лето отгоняли скот. Богатые скотоводы, так же как и в других районах, уходили зимовать на Гюрген.

Наряду с указанными выше способами земледелия почти все группы скотоводов и жители побережья выращивали бахчевые культуры у колодцев, в траншеях. Особенно хорошие результаты давали посевы бахчевых у колодцев, расположенных недалеко от побережья⁵. Почти все земельные поливные участки уже в XIX в. были частновладельческие. Общинные поливные земли сохранялись у ак-атабайцев на Атреке⁶.

В конце XIX — начале XX в. наряду со скотоводами-чарва на Атреке существовало постоянное оседлое население *чомуры*, основным занятием которых было поливное земледелие, что не исключало разведения скота.

В стадах у чомуров преобладал крупный рогатый скот, численность которого в некоторых богатых хозяйствах джафарбайцев, по данным сельскохозяйственной переписи 1914 г., достигала 150—200 голов⁷. У жителей побережья скотоводство было подсобным занятием. Такой же характер носила охота, которой занимались не только прибрежные жители, но и все остальное население края. Удельный вес охоты в хозяйстве юго-западных туркмен был значительно выше, чем в других районах Туркмении. Охотились на птиц и степных животных с гончими собаками (*тазы*) и ловчими птицами. Чаще всего для охоты приручали сокола-балобана (*ительгуи*). На побережье водоплавающих птиц ловили при помощи сетей (*дарадан*).

Несмотря на давность занятия земледелием, способы ведения хозяйства были весьма примитивными, особенно у туркмен-атабайцев (у чомуров и чарва они были одинаковыми). Не везде и не всегда посевы проводились по вспаханному полю, поливы осуществлялись обычно сильным заливом поля водой. Орудия обработки были такими же примитивными, как и в остальных районах Туркмении: старинный деревянный *азал*, используемый иногда без чугунного лемеха, серп *орок* и волокуша *хиза*, широко употребляемая иомудами для перевозки снопов с поля на ток (*харман*).

Как и в земледелии, так и в скотоводстве очень четко прослеживалась роль родовых традиций. Еще в 1920-х годах род был реальной единицей в хозяйственной и общественной жизни, хотя в целом родовое расселение было нарушено и отдельные мелкие родовые группы жили вперемежку.

Многие крупные роды атабайцев и джафарбайцев владели определенными пастбищными территориями, пользоваться которыми могли только принадлежащие к этому роду хозяйства. Колодцами, как правило, владели отдельные лица⁸, хотя наряду с ними были и такие, которые считались собственностью родовой группы. Практически же они использова-

⁵ См. И. Стебницкий. Заметки о Туркмении. Тифлис, 1871, стр. 15; М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, стр. 40.

⁶ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 4753, лл. 3—4.

⁷ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. № 42, 45 и др.

⁸ Сведения о принадлежности колодцев отдельным лицам имеются и для XIX в. «Права пользования ими (колодцами). — Г. В., А. Д.) принадлежат первоначальным хозяевам или арендаторам их. Случается, что откочевавший от такого колодца туркмен засыпает его до своего возвращения» («Обзор Закаспийской области за 1891». Ашхабад, 1892, стр. 43). Вопрос о владении колодцами рассматривался в выступлении А. Карыева на сессии, посвященной вопросам истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода («Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 68—71).

лись родовой верхушкой, владевшей большим количеством мелкого рогатого скота и верблюдов.

Сведения о родоплеменном делении помудов накануне революции (и сразу после нее) и сравнение списка родов этого периода с имеющимися

Рис. 1. Юрта *гара ой*. Сел. Курбан-сейит Кызыл-Атрекского района

в литературе материалами по этому вопросу, относящимися к более раннему периоду, позволяют сделать вывод о продолжавшемся почти до наших дней процессе «родообразования», — процессе, объясняемом сохранением патриархально-феодалных отношений и вызванном общими условиями ведения экстенсивного хозяйства. Процесс «родообразования» в условиях развитого классового общества отличался от аналогичного процесса, характерного для первобытнообщинного строя, своей классовой сущностью — новые роды выделялись из наиболее сильных экономических родов. Иногда незначительные и неизвестные роды становились сильными благодаря богатству и знатности их главы. Так, в последние десятилетия XIX и в начале XX в. из рода кор выделился и усилился род экарем, названный так по местности, расположенной к северу от Чекишляра.

К новому сильному роду обычно примыкали отдельные хозяйства «чужаков» — представителей других родственных, а иногда и посторонних родов, потомки которых после седьмого колена становились полноправными членами рода.

Все это свидетельствует о стойкости родовых традиций, пережитки которых сохранились до наших дней у всех туркмен, но особенно четко у западных в силу сохранения у них до последнего времени полукочевое хозяйство⁹.

Основным видом поселения туркмен до начала коллективизации был кочевой аул, состоявший, как правило, из группы родственных хозяйств. Величина и место расположения аула менялись в различные сезоны и в

⁹ См. выступление С. П. Толстова в 1954 г. («Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент. 1955, стр. 556, а также А. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 113.

значительной мере зависели от количества водных источников. Так, например, в северной части рассматриваемого района зимой аулы состояли из трех — семи хозяйств, расположенных в укрытых от ветра ложбинках, летом доходили до 40—60 хозяйств. Были аулы, состоящие из двух-трех хозяйств, и аулы по Атреку, насчитывающие 200 хозяйств и более (Гасан-Кули и др.).

Основным видом жилища была юрта — *гара ой* (рис. 1). По своей форме и ряду других деталей, а также по терминологии она отличается от юрт других туркмен. В некоторых деталях (форма *туйнука* — верхнего круга) и по терминологии она отлична и от юрты иомудов Ташаузской области.

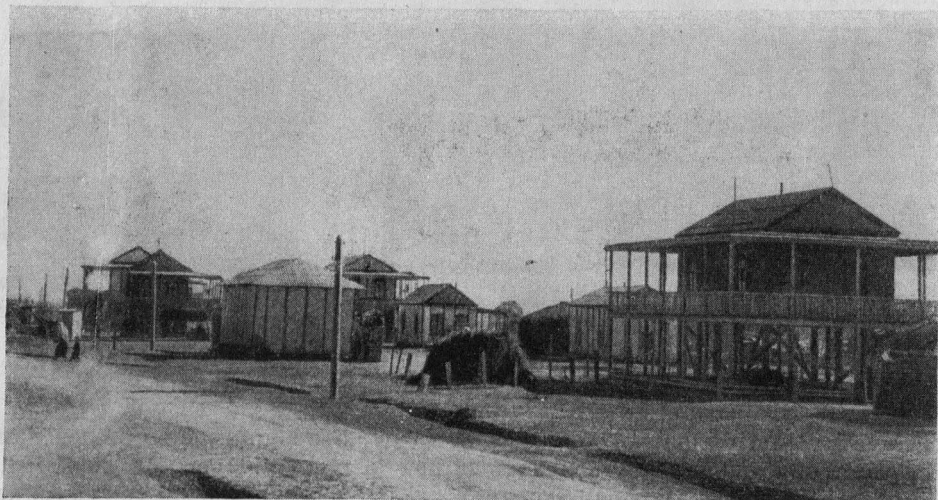

Рис. 2. Дома в сел. Карадегиш Гасан-Кулийского района

Иомудская юрта всегда четырехканатная (*ганат* — решетка остова), но в зависимости от состоятельности ее владельца, а также от той или иной потребности, она может с 66 *ук'ов* (жерди купола) уменьшаться до 54, что достигается надвиганием решеток одна на другую.

Развитие оседлого жилища в обследованном районе проходило по-разному. На побережье оно появилось в конце XIX в., причем первыми мастерами были астраханские плотники, на Атреке, Сумбаре — в 30-е годы нашего века. Совсем недавно стали возводить постоянные дома у ко-лодцев в пустыне.

По типам жилища всю территорию можно разделить на два района: 1) побережье и селения по Атреку в пределах Гасан-Кулийского района и 2) остальная часть юго-западной Туркмении. В первом районе дома возводят из досок; к северу от Чекишляра их обмазывают сверху глиной. Первоначально эти дома (рис. 2) строили на сваях, теперь в южных селениях пространство между сваями, как правило, занято жилым или хозяйственным помещением, таким образом создаются двухэтажные дома. Крыши — двускатные, крытые шифером или железом. Вокруг всего второго этажа идет крытая терраса *саяван*. В верхнем этаже обычно расположены две смежные комнаты, имеющие отдельные выходы на террасу.

Дома ориентированы выходом на юг. Комнаты расположены на запад и на восток друг от друга и называются соответственно *ашаки ой* и *екаркы*

ой (первая обычно бывает парадной)¹⁰. В домах, где жилые помещения расположены в двух этажах, в нижнем этаже обычно живут старики, вверху — семья сына.

В сел. Чалаюк Гасан-Кулийского района (ныне центр одноименного сельсовета и колхоза «Коммунизм») широко распространен еще один вид дома — *камышлы там* или *экезлы там*. Как показывает само название, он сделан из камыша, в изобилии произрастающего по берегам Атрека. Редкий деревянный каркас заполняют камышовыми связками, а затем обмазывают глиной, смешанной с саманом, и белят. Некоторые дома оцементированы, крыши таких домов двускатные из железа или шифера. Планировка домов обычная для этого района — две комнаты (или одна комната и прихожая), расположенные так же, как в домах на сваях, на запад и восток друг от друга.

По словам наших информаторов, камышлы там стали строить в конце 1930-х годов из-за отсутствия другого материала. Теперь, когда для жилых домов привозят лес, камышовые постройки используются в качестве хозяйственных.

На остальной территории края строительство постоянных домов было связано с процессом коллективизации и с проходившим в связи с ней оседанием скотоводов. Исключение составляют омуды Кара-Калинского района, которые под влиянием гокленов стали жить в домах значительно раньше. Массовое строительство домов развернулось уже в послевоенные годы. Дома строят из сырцового кирпича обычно с плоской крышей и одной или двумя комнатами (три-четыре комнаты встречаются как исключение); их штукатурят и красят в белый цвет. Своеобразно внутреннее устройство жилища. На всей обследованной территории мы находим угловые полочки — *буртегче*, на которые обычно ставят красивые пиалы и чайники или какие-нибудь хозяйственные предметы. Много перенесено в дом из омудской юрты, отличавшейся в прошлом своим убранством от других туркменских юрт (в частности, деревянные резные шкафчики-подставки для постельных принадлежностей — *талер*). Еще путешественники XIX в. (Бодэ и др.) отмечали у омудов на Атреке легкую постройку на столбах, которая называлась *талар*. Здесь

Рис. 3. Молодая женщина
в праздничном наряде.
Сел. Кызыл
Кара-Калинского района

¹⁰ А. Джикиев. Поселения и жилище туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX — начале XX в. «Советская этнография», 1957, № 4.

летом отдыхали и спали. Сейчас двухэтажные тэлар широко распространены по всей территории расселения иомудов. Везде, кроме побережья, наряду с оседлым жилищем имеются юрты.

Своеобразием отличаются и другие области материальной культуры иомудов, в частности их одежда. Наряду с общими для всех туркмен элементами костюма у западных иомудов сохраняется много черт, присущих только им, иногда заимствованных, иногда древних, самобытных. Оригинальна верхняя женская одежда *зена-на гейим* или *чабыт* — с короткими, до локтя, рукавами, иногда с треугольным язычком, спускающимся ниже локтя, обычно отогнутым и пристегнутым к плечу. Халаты украшены серебряными пластинками. Обращают внимание длин-

Рис. 4. Атабайка в национальном головном уборе. Сел. Суйджи-Хурмен Кызыл-Атрекского района

Рис. 5. Девушка в национальной одежде. Сел. Суйджи-Хурмен Кызыл-Атрекского района

ные до пояса разрезы по бокам, также украшенные серебряными пластинками, образующими рисунок в виде рогов, и застегнутые на две-три пуговицы (рис. 3). Особенно интересен женский головной убор. Повседневный состоит из тюбетейки с повязанным поверх нее платком. Способ повязывания платка *алынданы* у атабайцев и джафарбайцев различен: у атабайцев свернутый платок повязывают узлом на лбу, концы затыкают вверху спереди за платок (рис. 4); у джафарбайцев из платка спивают обруч. Поверх алынданы накидывали шелковый или шерстяной клетчатый платок *чаргат* или *чэшов*. В городах и кое-где в селениях джафарбайки часто носят просто платок, наброшенный на голову, но обычно надевают алын-

даны, а сверху набрасывают платок. Старинный женский головной убор — *хасава* — общий для всех иомудов, сейчас уже вышел из употребления. Однако он еще бытовал здесь в 1920-х годах, а в Ташаузской области даже в более позднее время. В последний период распространения хасавы ее назначение у джафарбайцев и атабайцев было различно: у джафарбайцев, по нашим полевым и литературным данным, это был праздничный голов-

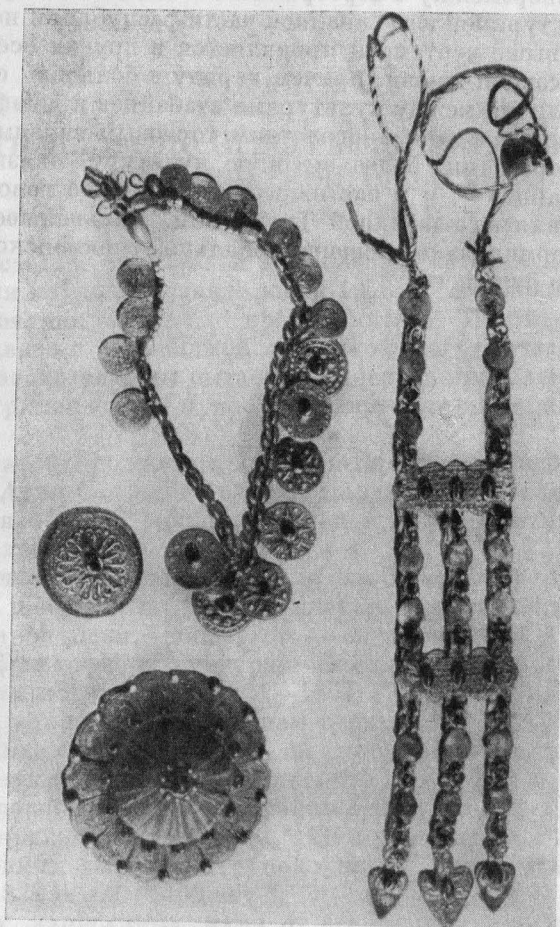

Рис. 6. Женские серебряные украшения:
Сел. Кызыл Кара-Калинского района

ной убор, который носили молодые женщины после выхода замуж в течение нескольких лет (четыре-пять в одних местах, до рождения первого ребенка — в других)¹¹; у атабайцев хасаву носили молодые женщины только в период *кайтармы*, т. е. во время пребывания в доме отца и снимали ее после возвращения в дом мужа.

Весьма своеобразна вышивка иомудов, обычно встречающаяся на детских, девичьих и мужских тюбетейках и по нижнему краю женских шта-

¹¹ Ташаузские иомуды носили хасаву также в течение трех — пяти лет, надевая ее сразу же после возвращения (*кайтарма*) в дом мужа. Об этом см. также «Туркмены иомудского племени». «Военный сборник», т. LXXXIII. СПб., 1872, стр. 77.

нов (рис. 5). Она отличается по характеру узора и расцветке не только от текинской, но и от вышивки ташаузских иомудов.

Столь же оригинальны различные женские серебряные украшения с мелкими золотыми бляшками по серебру (рис. 6). В настоящее время широкое распространение получили крупные красные и желтые бусы (*хунджи*) под янтарь, которые покупают в магазинах, женщины носят их перенизанными попеременно с серебряными монетами и амулетами.

Самобытность туркмен юго-западной части республики не исчерпывается отмеченными выше чертами и проявляется в других особенностях материальной и духовной жизни, причем наряду с большой общностью наблюдаются и различия между культурами атабайцев и джафарбайцев. Последние, имеющие благодаря многолетним торговым связям и общению с соседними государствами, более высокую культуру, оказывают большое влияние на атабайцев¹², и в настоящее время можно говорить о единой культуре населения юго-западной Туркмении. Дальнейшее изучение путей развития и формирования общенациональной туркменской культуры — дело ближайшего будущего.

¹² Это влияние, к сожалению, сказывается не только в заимствовании положительных черт; атабайцы воспринимают и некоторые вредные обычаи, с которыми следует бороться.

207(1)
ДТ
ИФ
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

В. В. АНДРИАНОВ, Г. П. ВАСИЛЬЕВА

ПОКИНУТЫЕ ТУРКМЕНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XIX ВЕКА В ХОРЕЗМСКОМ ОАЗИСЕ

Изучение покинутых туркменских поселений XIX в. Куны-Ургенчского и Ленинского районов Ташаузской области проводилось в 1955 г. двумя отрядами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции — Дарьялыкским археолого-топографическим (под руководством В. В. Андрианова) и Туркменским этнографическим (под руководством Г. П. Васильевой). Первый отряд обследовал покинутые туркменские поселения в зоне сухого русла Дарьялык к западу от Куны-Ургенча, начиная от окрестностей колхоза «Большевик» до колодца Ер-бурун. Туркменский этнографический отряд посетил урочище Уаз и северную часть Ленинского района — территории, называвшиеся в прошлом Ханабад, — произвел обмеры и собрал опросные данные о покинутых поселениях (см. рис. 1).

В XIX в. основным населением этих территорий были туркмены йомучи, емрели, карадашлы и некоторых других племен. Об этом говорят туркменские предания, собранные в прилегающих к покинутым землям колхозах, а также литературные и картографические источники. На рубеже XVIII—XIX вв. в дельте Аму-Дарьи произошло значительное обводнение западных районов, мощный проток Лаудан прорвался в Айбугирскую низменность. Воды Лаудана были отведены несколькими каналами в русло Дарьялыка, на берегах которого туркмены йомуды восстановили некоторые средневековые каналы и оросили значительные площади. Они возвели целый ряд плотин, в том числе плотину Еген-клыч недалеко от развалин Вазира¹. По обе стороны этой плотины на берегах русла йомуды-машрык, бага, бехельке и коджук построили большие укрепления — Машрык-Сенгир, Каладжик, Бенам-Калады и другие. Народные предания связывают строительство этих укреплений с периодом резкого обострения туркменско-казахских взаимоотношений в начале XIX в.²

Обводнение западных протоков Аму-Дарьи было использовано хивинскими правителями для значительного увеличения государственных («пад-

¹ В работе «История орошения Хорезма» (Ташкент, 1957) Я. Г. Гулямов, основываясь на показаниях хивинского летописца Баяни, приписывает строительство этой плотины центральной хивинской власти. Однако археологическое и топографическое обследование показало, что плотина фортификационно связана с туркменскими укреплениями. Это убеждает нас в том, что плотина была построена туркменами; об этом же говорят и полевые этнографические материалы (см. полевые записи Г. П. Васильевой 1956 года).

² Со временем казахско-туркменских столкновений в начале XIX в. связывает постройку этих укреплений и этнограф В. Г. Моткова («Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.». Ашхабад, 1954, стр. 274).

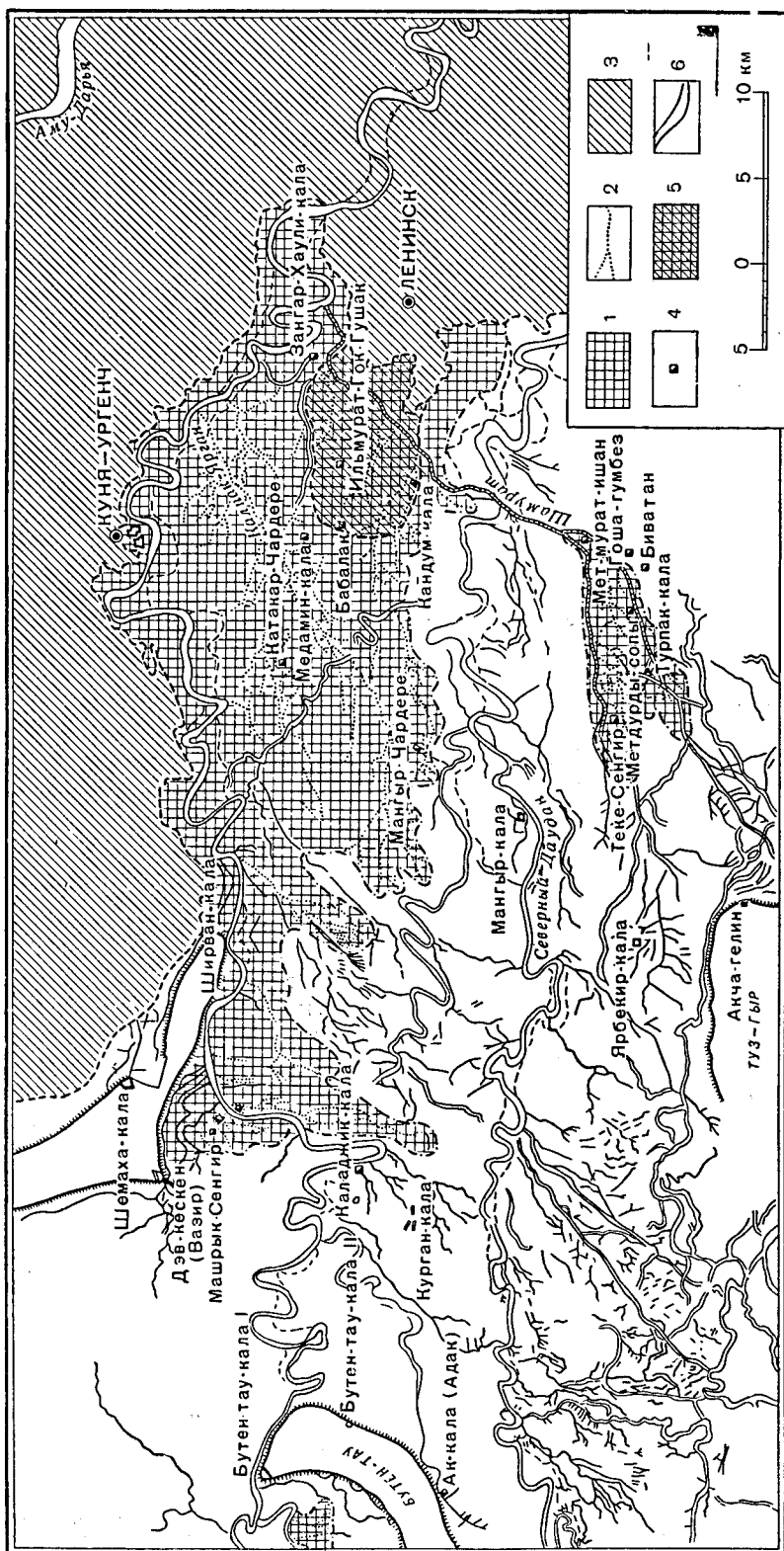

Рис.1. Схематическая карта территорий покинутых туркменских поселений XIX в. (Ташаузская область Туркменская ССР):

1 — территория покинутых туркменских поселений; 2 — туркменские каналы; 3 — современная культурная зона; 4 — туркменские памятники, обследованные экспедицией; 5 — недавно освоенные земли древнего орошения; 6 — древние сухие русла и каналы.

шальных») орошенных земель в междуречьи Дарьялык-Даудан. В 30—40-х годах трудом каракалпакских и узбекских земледельцев воды протока Лаудан были направлены в реконструированную средневековую систему каналов (Шамурат, Сипай-яб, Калпак-ярган и др.). Лучшие земли вдоль обводненных каналов были розданы хивинским сановникам, остальные — нукерам, туркменам и безземельным узбекам (беватон). Туркмены получили землю преимущественно в хвостовых частях каналов. Вся вновь орошенная территория стала называться Ханабад.

Наделение туркмен земельными участками в хвостовых частях оросительных систем, обычно практиковавшееся хивинскими ханами, ставило туркмен в неблагоприятные условия по сравнению с другими земледельческими народами Хорезма — узбеками и каракалпаками, вызывало их недовольство, а иногда и открытые возмущения. В случае неповиновения туркмен, каналы, орошавшие их поля, перекрывались. Так, вследствие восстания йомудов в 1855—1856 гг. земли Ханабада по распоряжению хивинского хана были лишены воды; началось постепенное запустение оазисов и в первую очередь Узского — последнего в системе оазисов по Шамурату. По рассказам информаторов, вода доходила до Узаа один раз на протяжении 3—5 лет, а позднее еще реже; в конце XIX в. Уз был оставлен земледельцами окончательно. Для разжигания национальной розни ханы освобождали туркмен-нукеров от ирригационных хошарных работ, заставляя узбеков очищать каналы, орошающие их земли.

Обследованные отрядами Хорезмской экспедиции покинутые туркменские поселения по характеру построек, внешнему облику и внутренней планировке усадеб могут быть подразделены на три группы, совпадающие с их территориальным расположением.

I. Туркменские усадьбы (хоули) урочища Уз включают в себя комплекс жилых и хозяйственных построек, обнесённых высокой глинобитной стеной. Усадьбы различны по своим размерам и группируются в небольшие селения, объединяющие хозяйства одного рода. Таковы селения карадашлинцев и емрелинцев на юге Узаа, йомудов укёр и айлак (оба подразделения рода салак) на севере и северо-западе урочища, йомудов рода коджук в центре Узаа и другие. Внешний облик усадеб — маленьких крепостей с высокими стенами, иногда с ложными башенками (кунгре) и большими воротами, — а также планировка и внутреннее оформление в целом характерны для Хорезма и сохраняют древне-хорезмские архитектурные традиции (рис. 2 и 3). Однако в туркменских усадьбах Узаа наблюдается также ряд своеобразных черт, характерных для туркмен и роднящих их с современным туркменским жилищем. Большинство владельцев туркменских усадеб этого района служило нукерами в войске хана.

Наряду с туркменскими усадьбами XIX в., в Узае сохранились остатки более ранних поселений — Теке-Сенгир, поселение в местности Биватан и др.

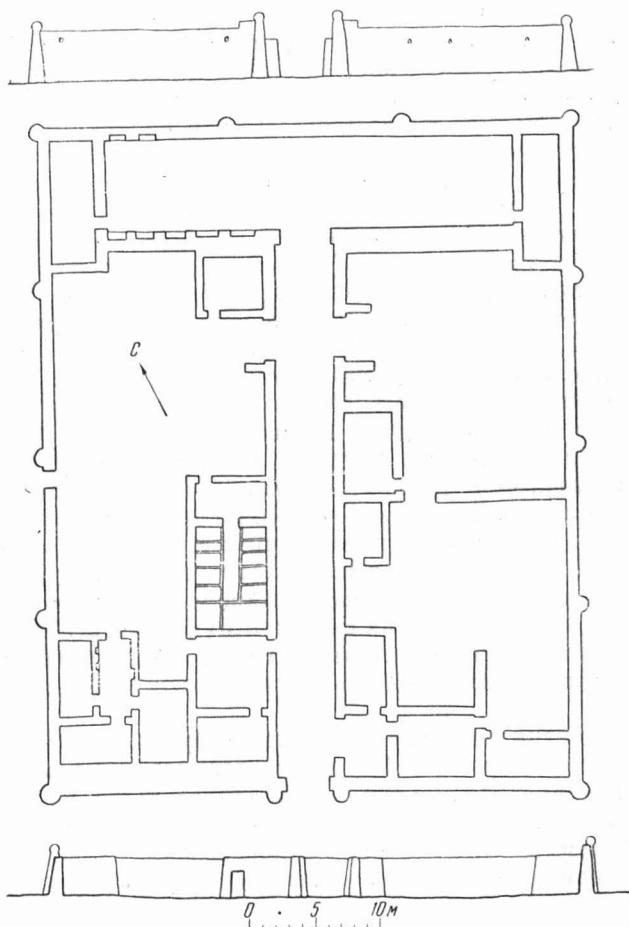
II. Усадьбы центральной части канала Шамурат (рис. 4) и к северу от него, так же как и в урочище Уз располагались отдельными родовыми группами. Они принадлежали туркменам-земледельцам из различных родов йомудов — бага, коджук, окуз, машрык и др., в хозяйстве которых скотоводство, видимо, играло весьма значительную роль. Об этом можно судить по планировке усадеб, в которых основное место занимают помещения для скота.

Преобладающая часть земель этого района принадлежала крупным узбекским феодалам, которые сдавали земли в аренду туркменам.

III. Основным типом поселений в бассейне Дарьялыка являются глинобитные укрепления — сенгир, внутри которых сохранились остатки

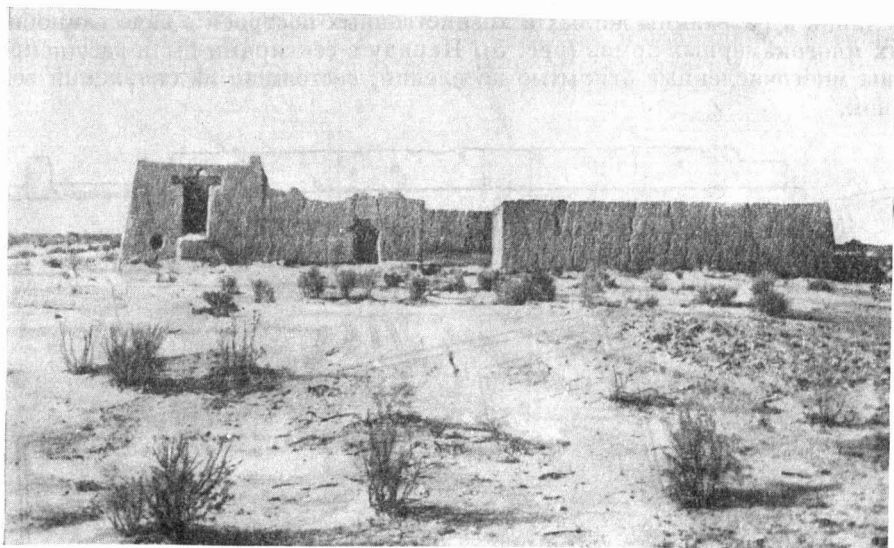

a

б

Рис. 2. Усадьба туркмена-емрели (урочище Уаз):
а — главный вход; б — план усадьбы.

a

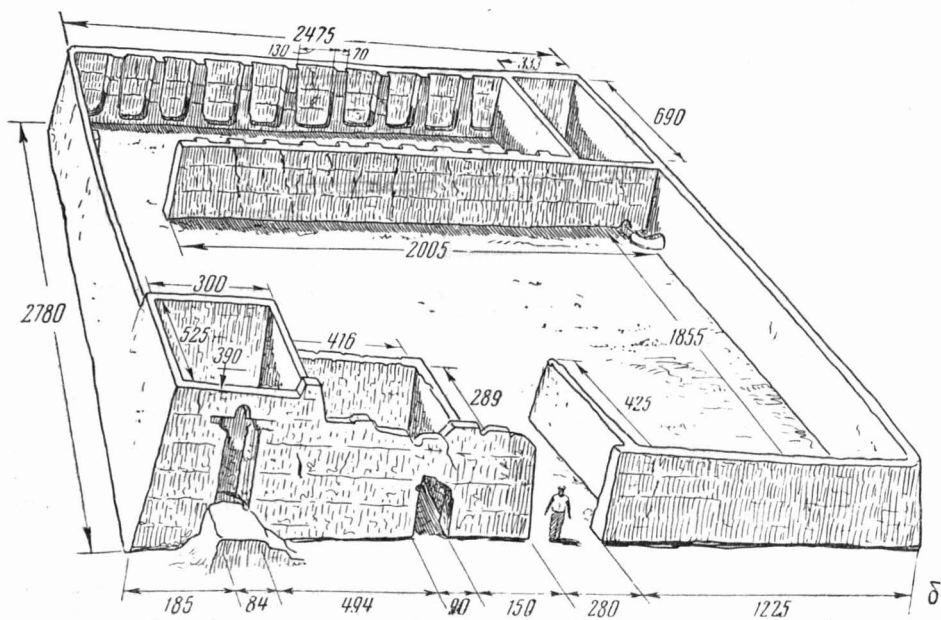

Рис. 3. Усадьба туркмена коджука (урочище Узай):
a — внешний вид; *б* — перспективный план.

землянок и развалины жилых и хозяйственных построек в виде глинобитных многокамерных домов (рис. 5). Наряду с сенгирами были зафиксированы многочисленные открытые поселения, состоящие из скоплений землянок.

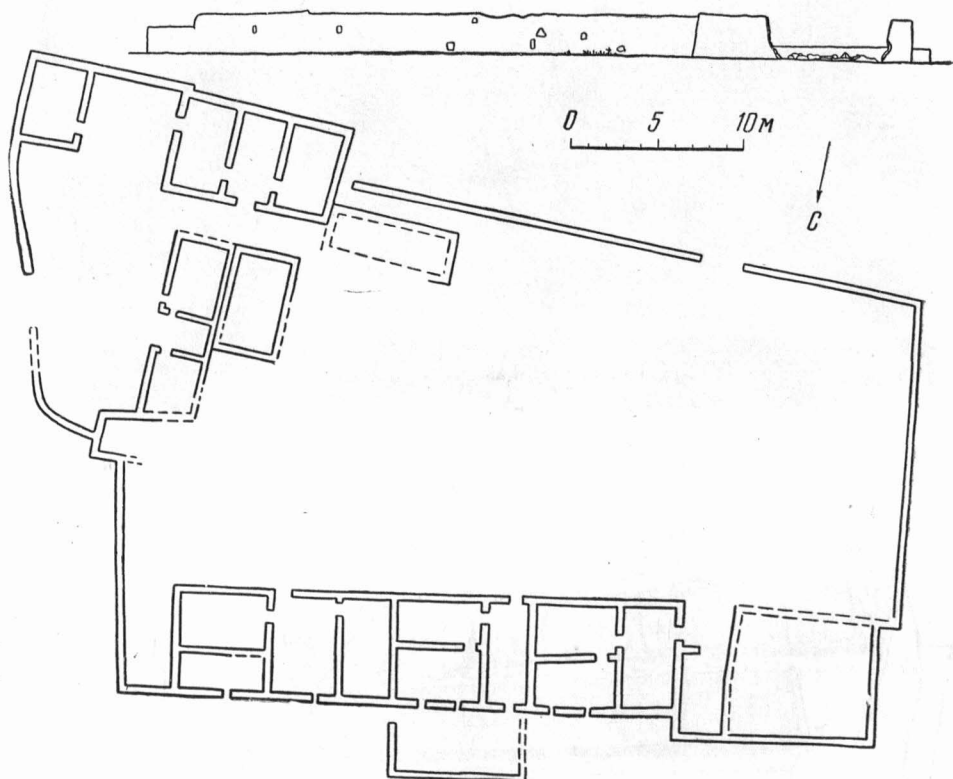

Рис. 4. План усадьбы туркмена около крепости Мангыр-Чардере (центральный район Шамурата).

Характер материальных памятников, а также хивинские хроники и народные предания свидетельствуют о том, что по Дарьялыку в XIX в. располагались самые «неспокойные» полукучевые группы хорезмских туркмен-йомудов (машрык, бага, бебельке и др.), отказывавшиеся платить налоги и стремящиеся выйти из-под власти хивинских правителей.

Окрестности туркменских поселений были интенсивно распаханы и покрыты полями и бахчами, пересечены арыками и каналами, которые базировались на Дарьялыке (рис. 6). Оросительные системы характеризовались большим разнообразием: начиная от больших водоподъемных плотин (например, Егенклыч у Машрык-Сенгира), головных сооружений с полуплотинами и разветвлениями, топографически включенными в общую систему обороны сенгиров, каналов с резервными водоемами, и кончая агро-ирригационными планировками различных форм и размеров.

Археолого-этнографические изыскания на покинутых туркменских поселениях дают обширный материал для изучения ряда вопросов истории

культуры народов Хорезма, в частности для освещения истории хозяйства, ирригационной техники, оседлого жилища и социальных отношений у различных групп хорезмских туркмен перед революцией.

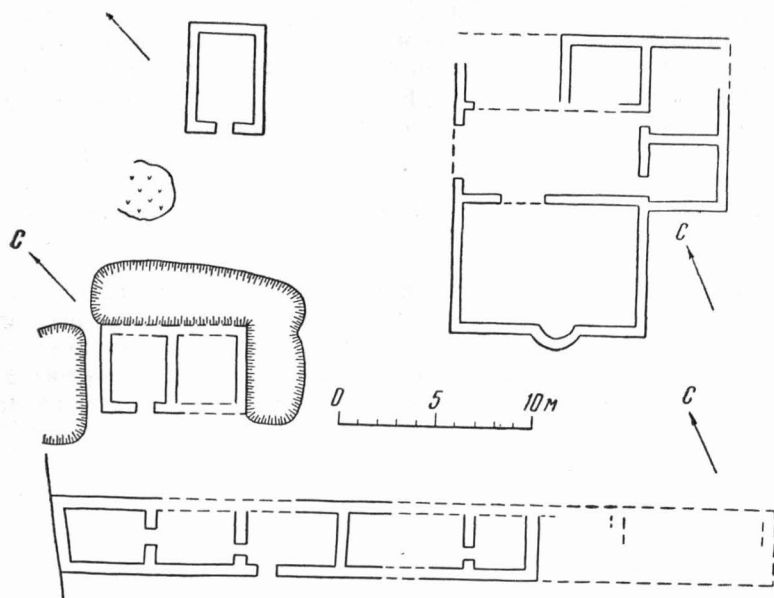

Рис. 5. Крепость Машрык-Сенгир. Типы жилых домов.

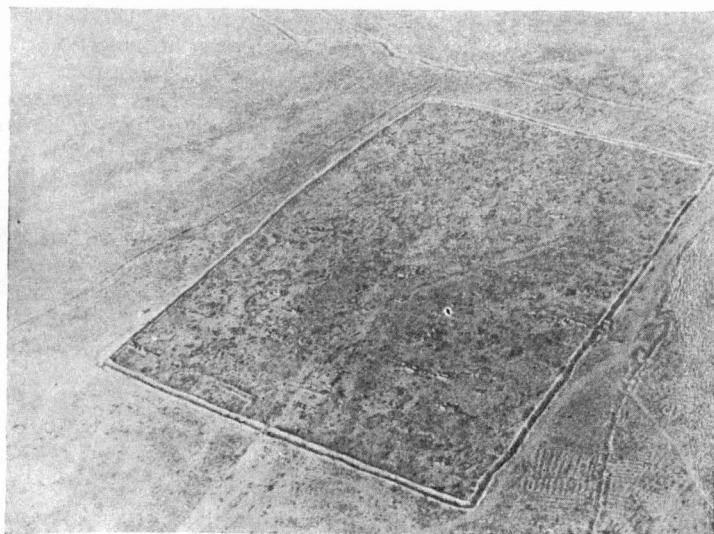

Рис. 6. Общий вид с самолета крепости Машрык-Сенгир и полей, расположенных вокруг нее.

Археологическое изучение покинутых туркменских поселений Ташаузской области Туркменской ССР было подкреплено сбором историко-этнографических сведений среди потомков прежних обитателей этих мест.

Старики-информаторы хорошо помнят былой родоплеменной состав населения, занятия и социально-экономические взаимоотношения в прошлом, что позволяет «оживить» памятники материальной культуры XVIII—XIX вв., увязать их с бытом различных групп туркменского населения.

В туркменских усадьбах Уаза можно проследить преемственность архитектурных традиций (в планировке, во внешнем и внутреннем облике) от раннесредневековой архитектуры Хорезма к современному туркменскому жилищу. Хорошо сохранившиеся на берегах Дарьялыка и в урочище Уаз туркменские оросительные сооружения имеют очень много общего с древнехорезмской и, особенно, со средневековой ирригацией Хорезма.

Все это даст новый материал для подтверждения выводов С. П. Толстова о тесных исторических связях предков современных хорезмских туркмен с древними обитателями Хорезма.

Опыт изучения покинутых туркменских поселений Ташаузской области показал, что комплексные археолого-этнографические исследования памятников XVIII—XIX вв. помогают заполнить существующий пока в Средней Азии разрыв между археологическими и этнографическими материалами, освещающими историю культуры среднеазиатских народов.
